

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

творческое наследие

ПУЛЬС ЭПОХИ

Быть может, ни одна страна не может встать вровень с Ленинградским академическим театром драмы им. А. С. Пушкина, отмечающим свое 225-летие в эти дни, по тому заинтересованному, страстному, глубоко личностному отношению, которое было проявлено здесь к рождающейся советской драме. Здесь советская драматургия «пропастывается» крепко и надолго, одна за другую выходят к зрителям спектакли, которые надолго определяют цвет эпохи.

Каждый из этих спектаклей закладывал основы новой эстетической выразительности, новой драматургической формы, новых конфликтных коллизий, новой литературной образности. Рядом с именами советских драматургов, пришедших на сцену пушкинцев, по праву должно стоять имя выдающегося советского режиссера Николая Васильевича Петрова, сделавшего для советской драмы так же много, как сделали для нее Алексей Дмитриевич Попов, Юрий Александрович Заварзин, Рубен Николаевич Симонов, Николай Павлович Охлопков, Николай Павлович Акимов. Мы постоянно вспоминаем, и справедливо, о дружбе А. Д. Попова и Н. Ф. Погодина и гораздо реже говорим о том, что дружба Петрова и А. Афиногенова, Петрова и Е. Ромашова, что опыты и искания Николая Васильевича, ставившего пьесы А. Луначарского, А. Корнейчука, многих других советских драматургов, породила, по существу, первые успехи, первые откровения новой революционной драмы. И в каждом из этих спектаклей можно увидеть зерно будущего, можно проглядывать вперед то, что зовем мы сегодня уже не историей, но нынешним днем сцены.

«Фауст и Город» А. В. Луначарского — новаторская, философская пьеса времени. В этом спектакле, романтически-приподнятом, народно-героическом, были заложены основы таких революционных трагедий, которые еще займут на советской сцене подобающее им место.

Среди лучших советских спектаклей театра — «Ночь Кривокрыльска» Е. Ромашова, поставленный также Николаем Васильевичем Петровым. В этом спектакле о комсомольской юности, о победе нового города Ленина над старым городишком Кривокрыльском можно прочесть своеобразное духовное завещание тех, кто лаял, тем, кто продолжает сегодня писать пьесы и ставить спектакли о героической нашей молодежи. Спектакль остался в памяти людей как спектакль о положительных героях времени, в историю театра вписались имена Н. Раевского и Н. Симонова — авторов, игравших характеры первых революционных героев. Молодая советская драматургия входила в сознание поколения в первую очередь положительными характерами времени.

«Рельсы гудят» В. Кирпича. Рельсы как бы продолжались в зрительный зал, как бы выходили из зрительного зала, рельсы, одновременно символизировавшие и нутр новой жизни, и реальное дело, которым были заняты герои этой пьесы. Этот спектакль можно считать как бы своеобразной ранней моделью многих из многих наших пьес и спектаклей на так называемую «производственную тему». И когда мы сегодня слушаем, что и как говорит бригадир Потапов на заседании парткома о делах в судьбах нынешнего трудового дня, стоит вспомнить о далеких его рабочих предках, впервые заставивших «гудеть рельсы» новой жизни.

Н. В. Петров поставил и «Ярость» Е. Яновского, спектакль поистине хрестоматийный в классической своей завершенности, в революционной ясности и трагичности. Каждый, кто занимался историей театра, знает, что в финале, когда на руках выносили прикрытое флагом тело зверски убитого кулаками колхозного вожака, потрясенный зал вставал и торжественно, молча стоял под звуки траурного марша. Помнят и то, как волновался Сергей Миронович Киров, бывший на спектакле: а встанет ли зрительный зал и сегодня, не было ли это простой случай-

стью, действительно ли так, несказанно лично, чувствуют люди современности свою неразрешимую связь с героическим прошлым? И они вставали, люди современности, вставали каждый раз на сцене «Ярость», как вставали они некогда на спектакле «Слепый источник», поставленный в Киеве К. Марджановым. Так переключались судьбы и время, так неизменными оставались сердца, навсегда потрясенные революцией. В этом спектакле задокументирована вся работа Николая Симонова в роли немого крестьянина, пытавшегося раскрыть белогвардейский заговор. И опытная роль эта принадлежала не только истории. О ней думал, когда встречался со спектаклем Врекса «Матусла Курак», когда велел дуплина пытаться исполнить людей авоном коловола, близким собственного сердца.

В 1930 году на сцене Александринского театра был поставлен афиногеновский «Чудак», где роль интуриста Волгина превосходно играл Александр Федорович Борисов.

Спектакль «Чудак» словно бы живет в атмосфере невиданно вспыхнувшего сейчас интереса к производственной теме, живет и по-своему ее корректирует. Слушая речи многих и многих действующих лиц сегодняшних производственных пьес, когда они говорят, что интуизм — удел двенадцатых, тридцатых годов, а ныне производственный бог — расчет, разум, план, экономическое обоснование, технологическое обоснование, понимаешь, что все это верно. Но, понимая умом, не мириться сердцем. Возвращаясь мыслями к милую чудуку, интуисту Волгину, который умел не только выполнять планы производственные, но и растить силы духовные, именно он, этот герой, соединял во многом то, что пытаемся мы делать в драматургии только сейчас.

Жемчужиной пушкинцев стал и спектакль «Страх» А. Афиногенова.

О «Страхе» написано и сказано чрезвычайно много. Написано и о неожиданном распределении ролей, когда роль старой большевички Клари получила Е. Корчагина-Александровская, прославившаяся в бытовом и комедийном репертуаре. Написано и о поразительном исполнении И. Пенцовым роли старого профессора Воробина, исполнении, если так можно сказать, лирически-орлеанском, когда звучно слышались все необходимые психологические ноты в этом характере, когда дрожала, тревожа сердце, рождая напряжение, вылилась верная струна.

В спектакле «Страх», в значимой его сцене выступление большевички Клари, зарождался еще один тип советской драмы, советского театра — публицистическая драма, публицистический спектакль. Именно здесь, на спектакле «Страх», родилась и укрепилась новая традиция советской сцены, традиция, начатая Вл. Маяковским и А. Луначарским, продолженная А. Афиногеновым, Вс. Вишневским и А. Корнейчуком, какими бы разными ни были размеры этих драматургов, традиции публицистического зрелища, открытого направленного в зрительный зал.

И «Салют, Испания!» А. Афиногенова, поставленный на этой же сцене, удивительно звучит в сегодняшние наши дни. Спектакль этот романтичный, приподнятый, окрыленный, пронизанный идеями антифашизма, сделанный горячо, быстро, одновременно и по заметкам сердца, и по буквам документа, — не наш ли это современный

спектакль? Он и радость нам, и укор нам, сегодняшним людям театра. Радость потому, что, вспоминая о нем, мы еще органичнее чувствуем, что нынешняя борьба за мир — традиция советского народа. Укор потому, что чрезвычайно редко появляются на сегодняшней сцене подобные горячие боевые антифашистские, антиимпериалистские спектакли.

И когда спустя годы на прославленной сцене возник неповторимый спектакль Георгия Товстоногова «Оптимистическая трагедия», он снова был не только помещен в конкретную рубрику истории, в конкретную дату своего появления. Это был спектакль-память, спектакль настоящего и спектакль будущего. В нем оживали лучшие романтические, героические традиции старой александринской сцены, каратышские, юрьевские традиции. В нем молодое и впитанное звучало победоносная история советской драматургии на александринской сцене. В нем было и обращение к будущему — не случайно мы еще раз встретились с оптимистической постановкой Г. Товстоногова к дни XXVI съезда КПСС.

...В тот вечер, когда завершилась научная конференция, посвященная прославленному Академическому театру драмы имени А. С. Пушкина, на его сцене шел новый спектакль «Предел возможного» И. Герасимова в постановке И. Горбачева, играющего также и главную роль.

Разные можно было занять позиции — долго искать совершенную современную тему, всячески критиковать исследование романа И. Герасимова, бесконечно работая над ее сокращениями, и кончать тем, чтобы вообще от нее отмахнуться. Но Академический театр драмы им. А. С. Пушкина, верный однажды выбранному им «амплуа» — надежного друга современной драматической литературы, старается как можно шире раздвинуть горизонты сцены, найти даже в произведениях, далеких от завершенности, крупицы нового, самобытного, доселе не высказанного.

Вот и теперь, показав производственную трагедию «Предел возможного», театр сказал людям нечто чрезвычайно важное — любимое дело это и есть личное, это и есть твое личное дело, это и есть праздник, который всегда с тобой.

Игорь Горбачев — поразительный актер именно современного обновления, современной темы, современной мысли. Но разве мало таких актеров, превосходно играющих роли своих современников? И все же таких актеров, передающих в образах современных людей особые черты — неистовую жажду труда, фанатическую страсть там, где другие всего лишь служат, — немного. Немного и актеров, герои которых сохраняют даже в трагических ситуациях оптимизм, светлое сердце, юмор, чуть ироническое ощущение кажущегося своего подлинности.

Это именно актер сумел сделать так, что его герой — обычный смертный с бедами и недостатками выглядит как человек вечный, как много в нем надежного, основательно — эдакого производственного — эдакого производственного «Кола Брюньона», жавнетворящего, несмотря на то, что, сыграв Горбачева в спектакле «Предел возможного».

Конку помешаление. Это отчасти, что театр не знает простоя в освоении современной темы. И все же... При тех же сценических темпах — больше требовательности к драматургическому материалу, пушкинцам! Больше ответственности и себе!

Надвигалась сокращенная русская и советская культуры — Ленинградский академический театр драмы имени А. С. Пушкина — прославляемая Александритра — будет, естественно, умножать свои богатства, а дело критики, дело истории театра — радоваться этому приумножению, вписывая каждую новую его страницу в героическую летопись великого русского театра.

И. ВИШНЕВСКАЯ,

ДОКТОР ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК

Академический театр драмы имени А. С. Пушкина.

Фото В. Краснова.